

НАШИ ГОСТИ

ЛЕОНИД ЖУХОВИЦКИЙ:
«ДАВАТЬ ЗРИТЕЛЯМ ЗАДАНИЕ НА ДОМ»

18 ноября в ТЮЗе состоялась премьера спектакля «Орфей» — истории о том, как рабочий парень Ричард Тишков вдруг обнаружил в себе талант незатейливыми песенками под гитару очаровывать людей, подобно Орфею из древнегреческих мифов. На премьеру своей четвертой пьесы в Таллин приехал прозаик и драматург москвич Леонид Жуховицкий.

Леонид Жуховицкий пришел в литературу в начале шестидесятых годов. До этого в его биографии были литинститут им. Горького, оконченный в 1954 году, два года в курской областной газете, затем — работа разъездным корреспондентом журналов «Смена», «Крестьянка» и др. Первые журналистские впечатления легли в основу повести «Я — сын твой, Москва!».

— Но для меня, — говорит Леонид Жуховицкий, — моя писательская биография начинается с того момента, когда я, изрядно уже поездив по стране и выпустив две

книжки рассказов, вдруг обнаружил, что много людей прекрасно обходятся без литературы. И для того, чтобы привлечь их своей книгой, писатель должен не только многое повидать, но и иметь что сказать людям. Что-то свое, существенное. У литературы много конкурентов. Не только кино и ТВ, но и собственная машина, кафе, хорошая компания — словом, все блага, которые несет нам цивилизация. Но литература должна уметь противостоять всему натиску этих безусловно нужных человеку радостей. И поэтому ей необходимы не только глубина мысли, но и внешняя занимательность. Один мой друг, хороший писатель, утверждает, что большая литература должна быть несколько скучновата. Я всегда спорю с ним, говорю, что занимательность — это вежливость писателя.

«Занимательной» была и первая пьеса Леонида Жуховицкого «Возраст раслаты» (1969). Но помимо внешней занимательности зрите-

ля притягивала авторская мысль — умерить спринтерский бег по жизни, столь свойственный многим из нас, остановиться, оглянуться. «Остановиться, оглянуться» — так и назывался роман писателя, по которому он создал пьесу.

— Драматургом я стал в известной мере случайно. Роман лежал в рукописи в журнале, а театр им. Гоголя, что называется, «горел». А я люблю «горящие» театры: их спасение не в режиссуре, не в актерских работах, а только в драматургии. Инсценировка писалась легко. Я увлекся театром: очень интересно иметь дело с живыми людьми, с актерами; они предъявляют требования к автору, каждому хочется, чтобы его роль была важной. И это помогло мне понять, что, делая одного героя образцовым, мы других приносим в жертву. А человек — сложен. И так уж получилось, что однозначно положительных или однозначно отрицательных героев у меня нет. Сложностью построения

отличалась и другая пьеса — «Одни, без ангелов». (В Таллине ее ставили Рудольф Аллаберт — в ТЮЗе и Арсений Сагалыч — в Русском драматическом театре.)

— Я беседовал со многими режиссерами, ставившими эту пьесу, — говорит писатель. — Почти каждый начинал с того, что пытался сделать Сергея положительным, а Костю — отрицательным. А в процессе репетиций эта концепция развалилась. Для меня, когда я писал эту пьесу, самое главное было, чтобы зритель согласился со мной — каждый человек имеет право на счастье. Костю упрекали в том, что он посредственный архитектор, не очень удачливый человек. Но он человек состоявшийся, и не его вина в том, что нет у нас определений для его оценки. Он — хороший человек. К такому можно прийти «излить душу». К счастью, на земле много таких людей, без них жизнь была бы тяжелее и холоднее, чем сейчас. И я хотел, чтобы зри-

тель, уходя из зала, задумался над судьбой Кости. Зритель порою любит, чтобы театр ему все разъяснил обстоятельно — до последней точки над «i». Но если мы хотим, чтобы театр чему-то учил, надо давать зрителям «задание на дом».

В пьесах Л. Жуховицкого всегда много недоговоренности. Возможно, поэтому режиссерам интересно работать над ними: в эти, по выражению писателя, «воздушные прослойки» они вкладывают свое отношение к материалу и теме.

— «Орфей» для меня, — говорит Леонид Жуховицкий, — попытка показать «ребят с гитарой», какими они есть на самом деле (а я встречал их на стройках, там, куда послал своего героя — среди них есть чудесные парни). Хотелось выявить мотивы их поведения. Объяснить им самим, что в них есть хорошего и что дурного... Предупредить их, чтобы они не пытались становиться «легендой», как Ричард. У писателя есть одно большое

преимущество: он может пожертвовать вымышленным героем и тем самым предостеречь от болезненных ошибок живых людей.

— Какие постановки ваших пьес кажутся вам наиболее удачными?

— На этот вопрос мне сложно ответить. В отличие от многих драматургов я не настаиваю на авторской трактовке. Главное — сохранить верность духу пьесы. В Болгарии Димитрина Гюрова очень неожиданно для меня самого поставила «Возраст раслаты», и я принял ее трактовку. Часто «собираю по кусочкам» свои пьесы — в какой-то постановке мне нравится один герой, в другой постановке — еще кто-то. В постановках пьесы «Одни, без ангелов», например, мне очень близка Галя — Мари Лилль в ТЮЗе, Костя — Игорь Горбачев в Ленинградском театре им. Пушкина и, пожалуй, Владимир Сигов в спектакле вашего Русского драмтеатра...

Беседовал В. ТУХ.

На снимке: Леонид Жуховицкий и постановщик спектакля «Орфей» Микко Миккивер.

Фото Э. Кёстера.

2

Вечерний
Таллин

26 ноября 1973 г.